

Федор ЯГУНОВ

ДЕВЯТАЯ ПЯТНИЦА

Самым захватывающим чудом, пленившим моё воображение в раннем детстве, была карусель. Яркая, нарядная, кружившаяся под сладкую музыку, льющуюся неведь откуда, может быть, с неба, она сильнее леденцовых «петушков», сильнее тележки мороженщика притягивала к себе не только детвору. А уж если удавалось упросить мать разориться денежкой, и ты усаживался в разрисованную кошёвку – по малости лет садиться верхом на деревянную лошадку мне еще не полагалось – счастливее тебя не было человека на свете!

Карусель была на базаре. Базар был на том же месте, где теперь крытый рынок. Только занимал он куда большую площадь, чем теперешний. Сюда по базарным дням съезжались жители окрестных деревень. Пахло конским навозом, колёсным дёгтем, визжали поросята, всполошно кудахтали куры. Из разговора моих родителей я знал, что базар нынче не тот, что раньше, при единоличной жизни, но мне всё равно он казался островом сокровищ. На толкучке, кроме ношенной одежды, обуви, простейшей самодельной мебели, прочего домашнего скарба, можно было увидеть диковинные вещи, вроде старинного граммофона. Однажды я видел там настоящую – медную с прозеленью – морскую подзорную трубу. Праздничную атмосферу создавали голосистые гармошки. Мужики приценивались к гармоникам, пробовали их на звучание, показывали своё умение играть. На соседней с нами улице жил гармонист, у которого своего инструмента не было. Мать говорила, что он каждое воскресенье ходит на базар и, пробуя одну за другой гармошки, отводит душу. Нам, мальчишкам, родители покупали иногда глиняные свистульки.

Среди лавок и магазинчиков самым крупным был «Зелёный» магазин или «многолапка», такие потом стали называться универмагами. В школьном возрасте меня больше других прельщал книжный магазин. Высокий, рубленый из брусьев, необычной шестигранной формы, он был один такой во всём Кемерове. Полки позади прилавков тесно уставлены книгами. По всему верху шли антресоли с книжными шкафами. Обычную публику туда не пускали. Мне всегда интересно было смотреть, если там ходил какой-то человек, открывал и закрывал стеклянные дверки, рылся в книгах. Наверно, там были какие-то особые книги. Слово «букинист» тогда мне было еще незнакомо. Сам запах в этом магазине был особенный.

Одну сторону базарной площади замыкал ряд уличных фотографий, было их там не меньше десятка. Каждый фотограф-пушкарь вывешивал по утрам свой ярко разрисованный фон с замками и лебедями, выставлял треногу с огромной деревянной фотокамерой. Чтобы сняться на фотокарточку, деревенские приезжали семьями.

Барахолка на базарной площади особенно оживилась в войну, когда государственная торговля совсем оскудела, перешла в закрытые, по талонам, рапределители. Время от времени на базаре устраивались облавы с целью выявить дезертиров и тех, кто укрывался от призыва. Площадь внезапно оцепливалась военными. Мужчин выпускали только по предъявлению паспорта. Тех, кто оказывался без документов, под конвоем сопровождали в военкомат.

И воскресный базар, и ярмарки в Щегловске, на протяжении десятилетий служившие

центром притяжения для всей округи, имеют свою предысторию, уходящую в XIX век.

Жители старожильских деревень, относящихся ныне к Кемеровскому району, занимаясь хлебопашеством, все основное, что нужно для жизни, производили сами. Однако же совсем обойтись без денег было невозможно. Подать заплатить, керосин купить, соль, сахар, нарядного ситцу бабам на сарафаны, ленты девкам, железо на ведра, на санные полозья, да те же гвозди! Всё это было в деревенских лавках, да где взять деньги? Надо было продавать, как потом стали говорить, излишки. Только вот – кому продавать? Село Усть-Искитимское, которое потом стало городом Щегловском, было такой же деревней, как и все окрестные, хотя в начале XX века и обгоняло их уже в росте. Вот и налаживали крестьяне Верхотомской волости на ярмарку в Томск.

Сговаривались несколько мужиков и по зимнему первопутку снаряжали обоз. Кто нагружал подводу, кто две и даже три. Распродав свой товар на ярмарке, крестьянин с выгодой для себя закупал всё, что надо было для хозяйства, и, накупив напоследок гостинцев семье, возвращался домой.

Но до Томска – 175 вёрст, часто не наездишься, а летом, когда полевые работы, об этом вообще не могло быть и речи.

Железная дорога, прошедшая по северу теперешнего Кузбасса, привела к росту товарности сельского хозяйства, к развитию товарно-денежных отношений. Даже в сёлах, находившихся сравнительно далеко, открывались базары и ярмарки. Крестьяне «сбывали зерно, мёд, пушнину, кедровый орех и другие продукты, выдерживающие гужевую перевозку до железнодорожной станции»¹. Открылась такая ярмарка и в Усть-Искитимском (Щеглово), называлась она Михайловской, в честь Михаила Архангела, и проходила с 8 по 15 ноября. Кроме того, по субботам, здесь был базар. Вскоре и этого оказалось мало.

В селе Усть-Искитимском, согласно «Списку населенных мест Томской губернии»², было

более двухсот дворов, в которых проживало 1260 душ обоего пола. В селе находилось волостное правление, Николаевская церковь, сельское училище, хлебозапасный магазин, два склада земледельческих орудий, пять мануфактурных и две мелочные лавки, казённая винная лавка, два «ренсковых погреба» виноградных вин, пивной склад, паровая мельница, пароходная пристань, кожевенный завод.

В январе 1912 года собирается сельский сход, который выносит «Приговор»³, в нём говорится:

«Мы, нижеподписавшиеся крестьяне Томской губернии, Кузнецкого уезда, Верхотомской волости, Усть-Искитимского сельского общества, состоящего из одного села Усть-Искитимского, имеющего в себе 125 домохозяйств, имеющих право голоса на сельском сходе... в присутствии нашею сельского старосты Семёна Бебякина, имели между собой суждение... Единогласно постановили войти с ходатайством настоящим Приговором через его высокоблагородие Крестьянского начальника... о разрешении иметь в нашем селе Усть-Искитимском второй, летней ежегодной семидневной ярмарки в дни девятой седмицы по Воскресении Христова, с тем, чтобы таковая носила название «Девятая пятница», с правом быть в продаже на таковой собственных крестьянских изделий, привозных торговцами мануфактуры, чаепитных и прочих товаров...»

Доказательством тому, что чиновная бюрократия родилась не сегодня, может служить и последующая по поводу «Приговора» переписка. Надлежащим путём были получены согласия:

«...С возвращением настоящей переписки уведомляю Ваше Высокоблагородие, что с моей стороны не встречается препятствий к открытию в с. Усть-Искитимском, Верхотомской волости семидневной ярмарки в девятую пятницу после св. Пасхи.

Податной инспектор Кузнецкого участка...»⁴

«...С возвращением настоящей переписки уведомляю г-на Крестьянского начальника... что с моей стороны препятствий не встречается на открытие в с. Усть-Искитимском второй ежегодной ярмарки. Нижне-Томский лесничий»⁵.

Приближалось лето 1912 года. Не за го-рами уже и девятая пятница. Не дождавшись своевременного ответа томского губернатора, крестьяне села Усть-Искитимского уполномочивают своего односельчанина, тоже крестьянина, Никиту Алексеевича Хомутова, напомнить Томску о своём ходатайстве. Приведу текст письма Хомутова с небольшими сокращениями.

«Его Превосходительству Господину Томскому губернатору.

Прошение.

В январе месяце сего года, с представлением приговора общества крестьян села Щегловского (заметим в скобках, что во всех официальных бумагах село именуется Усть-Искитимским, жители же называют его Щегловым, Щегловском. – Ф. Я.) через Крестьянского начальника 3 участка, Кузнецкого уезда, обществом крестьян села Щегловска было возбуждено ходатайство о разрешении на открытие 2-й ежегодной ярмарки в девятую пятницу по Святой Пасхе. Ходатайство это 7 апреля сего года за № 276 Крестьянским начальником представлено в Губернское Управление. Ввиду того, что на ходатайство это еще не получено определения Губернского Управления, общество крестьян села Щеглова уполномочило меня почтительнейши просить Ваше Превосходительство о разрешении открыть в селе Щегловском 2-ю ежегодную ярмарку в 9-ю неделю после праздника Святой Пасхи, и о скорейшем разрешении этого ходатайства, дабы представилось возможным открыть ярмарку в предстоящую 9-ю неделю по Пасхе, распубликовать о сём в установленном порядке.

О последующем на сие прошу не оставить известить меня по выше указанному моему жительству.

5 мая 1912 года. Никита Хомутов, а по бо-лезни его правой руки и по его просьбе распи-сался...» Подпись неразборчива⁶.

На письме имеются штампы, подтверждающие его получение: «Томский Губернатор. 20 мая 1912 г.» и «3 отделение Губернского Управления. 22 мая 1912 г.».

Но в Томске возникают всё новые вопросы. 21 июня 1912 года Крестьянский начальник до-полнительным отношением уточняет: «Имею честь сообщить 3-у отделению Губернского управления, что на предлагаемую к открытию в с. Усть-Искитимском ярмарку скот приво-диться будет».

На обороте этого документа, от руки, за-прос к Томскому губернскому ветеринарному инспектору: «3-е отделение Губернского уп-равления просит сообщить не имеется каких-либо препятствий к удовлетворению прило-женного ходатайства?»⁷.

Давно миновала 9-я седмица, но только 21 сентября 1912 года в Журнале присутствия Томского губернского управления, 3-го крес-тьянского отделения мы находим запись:

«Общее Присутствие Губернского Управ-ления в составе председателя – Губернатора, вице-губернатора, управляющего Казённой палатой, управляющего Гос. имуществом, председателя Окружного суда, начальника Алтайского округа, прокурора Окружного суда; членов – заведующего землеустройством Ал-тайского округа, старшего чиновника по со-ставлению отводных записей. Непременных членов...

...Слушали: переписку по ходатайству Усть-Искитимского сельского схода Верхотомской волости Кузнецкого уезда об открытии в селе Усть-Искитимском второй ежегодной семи-дневной ярмарки в 9-ю пятницу после Святой Пасхи под названием «Девятая пятница».

Справка: со стороны Томского ветуправле-ния не встречается препятствий к удовлетво-рению изложенного ходатайства.

Определение. Выслушав доложенное, Об-щее Присутствие определяет: открыть в селе

Усть-Искитимском Верх-Томской волости Кузнецкого уезда вторую ежегодную ярмарку в 9-ю пятницу после Святой Пасхи, о чём опубликовать в Томских «Губернских новостях» и сообщить для сведения в Томскую Казённую Палату, Томскому ветеринарному инспектору, Крестьянскому начальнику 3-го участка и Кузнецкому уездному исправнику»⁸.

Следует заметить, что и открытие второй (летней) ярмарки в селе Усть-Искитимском из-за затруднений с переправой через реку Томь не удовлетворило нужду населения правобережных деревень в рынке. В Томск был направлен «Приговор № 38»⁹ 1913 года сентября 30 дня. «Мы, нижеподписавшиеся крестьяне Томской губернии, Кузнецкого уезда, Вознесенской волости деревни Кемеровой, в которой считается 57 домохозяйств, ходатайствуем об открытии в д. Кемеровой еженедельного, по средам и четвергам, базара...»

Возвращаясь к документу об открытии ярмарки «Девятая пятница», следует отметить, что среди 65 домохозяев села Усть-Искитимского, присутствовавших на сходе 4 января 1912 года, 50 из них «по неграмотности просили за себя расписаться» грамотных, коих оказалось числом 15. В связи с этим представляет интерес еще один документ из Томского областного архива от 28 декабря 1903 года¹⁰, проливающий свет на состояние народного образования в Кузнецком уезде: рапорт Кузнецкого уездного исправника, представляющего в Томское губернское управление прошение Усть-Искитимского сельского учителя Михаила Шабанова.

«Его Превосходительству Господину Томскому Губернатору от учителя Усть-Искитимского сельского училища Кузнецкого уезда Томской губернии Михаила Александровича Шабанова

Всепокорнейшее прошение.

В Кузнецком городском 3-классном училище обучаются два родных моих сына... Получая ограниченное учительское жалование

(300 руб. в год), я принужден для поддержания семьи подрабатывать в Усть-Искитимской Николаевской церкви вольнонаёмным псаломщиком за половинный доход. Служа 20-й год в должности сельского учителя по Томской губернии, не желая переменять службу учителя на другую, при своем бедном безвыходном плачевном положении, осмеливаюсь обратиться к Вашему Высокопревосходительству с почтеннейшею и всепокорнейшею просьбой исходатайствовать мне дополнительное жалование от казны, так как при настоящих средствах к жизни мне, человеку семейному жить и воспитывать детей чрезвычайно трудно.

В настоящее время, если признаете возможным, не откажите, Ваше Превосходительство, о выдаче мне на воспитание сыновей небольшого денежного пособия...»

На документе нет никаких помет. Равно как и не приложено к нему каких-либо резолюций и распоряжений. Остаётся неизвестным – была ли оказана учителю М. А. Шабанову какая-либо помощь.

В письме Шабанова упоминается о двух учебных заведениях: городском трехклассном училище в гор. Кузнецке и сельском училище в Усть-Искитимском. В позднейшей «Ведомости о числе учебных заведений и учащихся в гор. Кузнецке и уезде его за 1912 год»¹¹ даются такие сведения:

«В Кузнецке. Всего уч. заведений 5; число учащихся – муж. пола 229, женск. пола 161. В уезде. Число уч. заведений 123; число учащихся – муж. пола 3942, женск. пола 1500».

¹ «Летопись села Кузбасса». Кемерово, 2001.

² ГАТО. ф. 3, оп. 19, д. 1650.

³ ГАТО. ф. 3, оп. 19, д. 1604, л. д. 3.

⁴ Там же, л. д. 6.

⁵ Там же, л. д. 7.

⁶ Там же, л. д. 8.

⁷ Там же, л. д. 9.

⁸ Там же, л. д. 10.

⁹ ГАТО. ф. 3, оп. 19, д. 1728, л. д. 5.

¹⁰ ГАТО. ф. 3, оп. 44, д. 3101, л. д. 1.

¹¹ ГАТО. ф. 3, оп. 71, д. 1, л. д. 19.